

13. 1340 английских пословиц и поговорок с русскими эквивалентами. – М., 1992. – 127 с.
14. Manser M. H. The facts on file dictionary of proverbs / M. H. Manser. – 2nd Revised edition. – New York : Checkmark Books, 2007. – 499 p.
15. Speake J. The Oxford Dictionary of Proverbs / J. Speake. – Fifth edition. – Oxford : University Press, 2008. – 625 p.

References

1. Baktybaeva A. T. Komicheskoe i sposoby ego sozdaniya v kazahskih poslovicah / A. T. Baktybaeva // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 1 (123). – S. 68–72.
2. Bondarenko A. V. Jazykovye sredstva vyrazheniya narodno-smehovoj kul'tury (na materiale sovremennogo persidskogo jazyka) : dis. ... kand. filol. nauk / A. V. Bondarenko. – M., 2005. – 134 s.
3. Brevdo I. F. Mehanizmy razresheniya neodnoznachnosti v shutke : dis. ... kand. filol. nauk / I. F. Brevdo. – Tver', 1999. – 171 s.
4. Vasil'eva L. V. Kratkost' – dusha ostroumija. Anglijskie poslovicy, pogovorki, krylatye vyrazhenija / L. V. Vasil'eva. – M. : Centrpoligraf, 2004. – 81 s.
5. Goleva G. S. Farsi-russkij frazeologicheskij slovar' / G. S. Goleva. – 554 s.
6. Dal' V. I. Poslovicy russkago naroda. Sbornik. – M. : Izdanie knigoprodavca-tipografa M.O. Vol'fa, 1879. – T. II. – 656 s.
7. Karasik A. V. Lingvokul'turnye harakteristiki anglijskogo jumora : dis. ... kand. filol. nauk / A. V. Karasik. – Volgograd, 2001. – 193 s.
8. Korogly H. Persidskie poslovicy, pogovorki i krylatye slova / H. Korogly. – Izd. 2-e, dop. – M. : Nauka, 1973. – 615 s.
9. Margulis A. Russko-anglijskij slovar' poslovic i pogovorok / A. Margulis, A. Holodnaja. – North Carolina – London : McFarland & Company, Inc., Publishers Jefferson, 2000. – 494 p.
10. Mesropova O. M. Strukturnye, pragmaticheskie i sodержatel'nye aspekty tekstotipov «anekdot» i «shutka» (na materiale amerikanskih tekstov) : dis. ... kand. filol. nauk / O. M. Mesropova. – SPb., 1999. – 173 s.
11. Rezhim dostupa: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/1290/Antiteza,svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
12. Shhurina Ju. V. Shutka kak rechevoj zhanr : dis. ... kand. filol. nauk / Ju. V. Shhurina. – Krasnojarsk, 1997. – 155 s.
13. 1340 anglijskih poslovic i pogovorok s russkimi jekvivalentami. – M., 1992. – 127 s.
14. Manser M. H. The facts on file dictionary of proverbs / M. H. Manser. – 2nd Revised edition. – New York : Checkmark Books, 2007. – 499 p.
15. Speake J. The Oxford Dictionary of Proverbs / J. Speake. – Fifth edition. – Oxford : University Press, 2008. – 625 p.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РИТОРИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА В. ПУТИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «ВАЛДАЙСКИХ РЕЧЕЙ» 2014–2016 гг.)

Калинина Анастасия Сергеевна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: rumianchik@yandex.ru.

Статья посвящена изучению составляющих образа ратора, выявлению особенностей риторического портрета публично говорящей личности, в частности политика-дипломата. Актуальность исследования обусловлена перспективой составления риторических портретов и изучения идиостиля российских политических деятелей в целях создания сопоставительных исследований выступлений российских и зарубежных политиков.

Ключевые слова: риторический портрет, образ ратора, риторическая аргументация, фигуры речи, коммуникативные тактики, диалектическая аргументация

SOME FEATURES OF THE RHETORICAL PORTRAIT OF V. PUTIN (ON RESEARCH MATERIAL OF "THE VALDAI SPEECHES" OF 2014–2016)

Kalinina Anastasiya S., *Postgraduate Student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: rumianchik@yandex.ru.*

Article is devoted to studying of components of an image of a ritor, detection of features of a rhetorical portrait of publicly speaking personality, in particular the politician-diplomat. Relevance of a research is caused by the prospect of drawing up rhetorical portraits and studying идиостиля the Russian politicians for creation of comparative researches of speeches of the Russian and foreign politicians.

Keywords: rhetorical portrait, image of a ritor, rhetorical argument, figures of speech, communicative tactics, dialectic argument

На каждом этапе развития истории государства формируется влиятельный образ публично говорящей личности (ритора). А.К. Михальская называет этот образ риторическим идеалом. У А.А. Волкова мы находим мысль о том, что представление о риторе в обществе складывается на основе его, высказываний, действий и оценок его деятельности. И далее: «Образ ритора складывается постепенно. Произведения риторической прозы содержит ряд образов, среди которых образ говорящего или пишущего – субъекта речи – занимает главное место. Но этот образ вступает в сложные отношения с другими образами риторического произведения и сам по себе предстаёт в определённом качестве – пропагандиста идеи, специалиста, объективного наблюдателя, житейски опытного человека. Вместе с тем изображение проблем, конкретных лиц, обстоятельств, общества или его частей вступает в смысловые отношения с собственным образом субъекта речи, который оценивается в зависимости от того, как он представляет себя в этом окружении» [2, с. 163–164]. С этическим образом ритора тесно связан стиль его публичной речи. Как известно, качества риторического стиля отличаются от обычных для стилистики представлений о стиле. Для него характерно соответствие формы содержанию, поскольку его можно определить конкретно, поэтому способ и средства выражения мысли имеет определяющее значение. Политики, выступающие с публичными речами в предметной области дипломатии, достигают желаемого результата при условии умелого использования триединого канона риторики: что? где? когда? К тому же, «преимуществом обладают те речедеятели, которые первыми успешно и грамотно используют новую фактуру речи и одновременно развивают новые формы этоса» [4, с. 392].

Стало актуальным составление речевых портретов видных политических деятелей. Исследование публичных выступлений российских дипломатов и политиков даёт возможность выявить особенности их риторических портретов, установить неизменные свойства их речи как идеал, или эталон, а также выяснить, каким должен быть российский политик как языковая личность.

По данным официального сайта Международный дискуссионный клуб «Валдай» был создан в 2004 г. [см. 9]. Своим названием Клуб обязан месту проведения первой конференции, которая состоялась в Великом Новгороде, недалеко от озера Валдай. Целью клуба является содействие диалогу российской и международной интеллектуальной элиты и независимый, объективный научный анализ политических, экономических и социальных событий в России и мире. Интеллектуальный потенциал клуба «Валдай» высоко оценивается в России и за рубежом. За годы существования Клуба в его работе

приняли участие более 900 представителей международного научного сообщества из 62 стран мира. Участниками конференций клуба «Валдай» стали многие выдающиеся политики, эксперты, общественные деятели и деятели культуры из России и других государств. Темы заседаний периода 2014–2016 гг. взаимосвязаны. Так, если в 2014 г. центральной темой обсуждения была «Мировая система безопасности», то в 2015 г. дискуссия вращалась вокруг центральных понятий любой ментальности – «Война и мир: человек, государство и угроза большого конфликта в XXI веке». В 2016 г. обсуждение обрело позитивный вектор направления дискуссии, а именно – «Будущее начинается сегодня: контуры завтрашнего мира» и было посвящено мерам по смягчению последствий радикальных изменений на политической карте мира, обсуждению путей развития отношений России и ЕС, устройства глобального мира через 10 лет.

С участниками ежегодных заседаний клуба «Валдай» с момента его основания традиционно встречается Президент России Владимир Путин [8]. В своих выступлениях В. Путин обращается к диалектической аргументации (в частности риторической), предполагающей равенство участников дискуссии. Следуя канонам риторической аргументации, ритор строит речь на единстве двух составляющих – положение (тезис) и обоснование. Так, например, в начале своего выступления в 2015 г. В. Путин анонсировал тему: «В этом году наша дискуссия сосредоточена на вопросах войны и мира» [7]. Затем, используя аргумент к авторитету, который одновременно послужил и тезисом фразы, выразил своё отношение к означенной теме: «Здесь, безусловно, вспоминали и нашего великого писателя Л.Н. Толстого. В своём великом романе «Война и мир» он назвал войну противным человеческому разуму и всей человеческой природе событием, а мир считал благом для людей» [7]. Затем, в соответствии с риторическим каноном, последовала редукция аргумента – «операция сведения положения к одному или нескольким определенным образом связанным суждениям (посылкам). На логико-понятийном уровне редукция включена в схему аргумента. На вербальном уровне, который является наиболее значимым, редукция представляет собой совокупность языковых средств, обеспечивающих понимание и интерпретацию аргумента аудиторией в соответствии с намерением ратора» [2]. А именно: «Действительно, мир, мирная жизнь были и остаются идеалом человечества. Государственные деятели, философы, юристы не раз предлагали модели мирного взаимодействия держав. Различные союзы, коалиции провозглашали своей целью обеспечение прочного, как говорили когда-то, «вечного» мира». Проблема, однако, в том, что выход из накопившихся противоречий часто искали всё-таки через войну. А сама война служила средством установления новых, послевоенных иерархий в мире. При этом мир как состояние мировой политики никогда не был устойчивым и не возникал сам по себе. Мирные периоды – и в европейской, и в мировой истории – всегда были основаны на закреплении и поддержании сложившегося баланса сил. Так было и в XVII в., в эпоху Вестфальского мира, который положил конец Тридцатилетней войне. И в XIX в., в эпоху Венского конгресса. И 70 лет назад в Ялте, когда победители нацизма принимали решение о создании Организации Объединенных Наций... » [7]. В приведённой цитате прослеживается объединение аргумента к авторитетным источникам с тактикой разъяснения.

Обращение к авторитету, к данным, к истории, к причинно-следственным связям, к последовательности характерно для большинства выступлений В. Путина. Так, в выступлении 2014 г., говоря о цели заседания, приводит прямую цитату Черчилля о дипломатии, а в 2015 г. цитирует слова Л.Н. Толстого. Анализируемые выступления В. Путина объединяют не только перекликающиеся темы, но и аргументы к истории, построенные на антитезе: «Формирование экономических блоков путём навязывания своих условий сильнейшим игрокам, безусловно, не сделает мир безопаснее, а лишь зало-

жит мины замедленного действия, почву для будущих конфликтов. Создали же когда-то Всемирную торговую организацию. Да, сложно там идёт дискуссия, да, Дохийский раунд переговоров зашёл, может быть, в тупик, но надо всё-таки искать выходы и компромиссы, потому что только компромиссы могут создать долгосрочную систему отношений в любой сфере, в том числе и в сфере экономики. А если просто сделать вид, что эти озабоченности некоторых стран, участников международного экономического общения, неинтересны, что их можно как-то обойти, то они ведь никуда не исчезнут, эти противоречия, их же никто не разрешит, они останутся, а значит – дадут о себе когда-то знать. Вы знаете, у нас другой подход. Мы в ходе формирования Евразийского экономического союза пытаемся выстроить отношения с нашими партнёрами, в том числе выстроить совместную работу в рамках китайской инициативы «Шёлкового пути». Мы активно и на абсолютно равноправной основе работаем в рамках БРИКС, АТЭС, в «двадцатке» [7]. В приведенной цитате прослеживается тактика признания проблемы и предложение взглянуть на неё под другим углом зрения.

Обращаясь к истории в своем выступлении в 2014 г., В. Путин также строит свое высказывание на противопоставлении: «Убеждён, этот механизм сдержек и противовесов, который в предыдущие десятилетия трудно складывался, порой мучительно выстраивался, нельзя было ломать, во всяком случае, нельзя было ничего ломать, не создавая ничего взамен, иначе действительно не осталось бы других инструментов, кроме грубой силы. Нужно было провести разумную реконструкцию, адаптировать к новым реалиям систему международных отношений. Однако Соединённые Штаты, объявившие себя победителями в «холодной войне», самоуверенно, считаю, подумали, что в этом просто нет нужды. И вместо установления нового баланса сил, который является необходимым условием порядка и стабильности, напротив, были предприняты шаги, которые привели к резкому усугублению дисбаланса» [6]. В приведённом высказывании наблюдается применение аргумента к норме и здравому смыслу, а также тактики комментирования. Прослеживается модальность фразы, а именно осуждающая оценка событий, которая подтверждается вербальным противопоставлением «баланс – дисбаланс». Следует признать, что риторические вопросы наряду с антитезой усиливают используемые ритором тактики критики, разъяснения, комментирования.

Известно, что наличие в речи риторических вопросов способствует диалогизации монолога. Согласно А.А. Волкову, использование градации, гипофоры способствуют созданию образа диалогических отношений с аудиторией. «В таком строении обнаруживаются образы общества, аудитории, выявляется истина, что создает убедительный пафос фразы» [2, с. 162]. Эти фигуры часто встречаются в речах В. Путина. Например, в речи 2014 г.: «Может быть, у нас нет веских оснований волноваться, спорить, задавать неудобные вопросы? Может быть исключительность Соединённых Штатов, то, как они реализуют своё лидерство, это действительно благо для всех, а их повсеместное вмешательство во все дела в мире несёт покой, благополучие, прогресс, процветание, демократию...?» [6]. А также в выступлении 2015 г.: «Вопрос в другом: будет ли она применяться лишь тогда, когда все другие средства исчерпаны? Когда необходимо противостоять общим угрозам, таким, например, как терроризм, и по известным правилам, изложенным в международном праве?» [7]. В речи 2015 г. наблюдается употребление гипофоры как разновидности риторического вопроса, например: «Что, к примеру, такая неуправляемая конкуренция может означать для сферы международной безопасности? Это рост числа локальных конфликтов, особенно в «пограничных» регионах, где сталкиваются интересы крупных держав или блоков» [7]. В отличие от риторического вопроса гипофора предполагает ответ на вопрос, данный самим оратором. В речи 2016 г. В. Путин употребил означенную фигуру в следующей фразе: «Возникает вопрос: если дальше всё будет разви-

ваться в таком русле, что ждёт мир? Каким он будет завтра? Есть ли ответы на вопросы, как обеспечить стабильность, безопасность, устойчивость экономического роста? Как повысить благосостояние людей? Как это ни печально признать, никакого консенсуса на этот счёт в мире нет...» [8].

Интересно и употребление анафоры в сочетании с градацией в речи 2016 г.: «Только мир с широкими возможностями для всех, с высококвалифицированными работниками, доступными знаниями, богатством путей самореализации может считаться по-настоящему свободным. Только мир, в котором люди разных стран живут полноценной жизнью, а не борются за выживание, может стабильным. Достойное будущее невозможно без заботы об экологии, конечно, и решения климатических проблем. Поэтому сохранение природного богатства и его многообразия, снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду в ближайшие десятилетия станут всё более значимым делом» [8]. В приведённой цитате ответ, данный самим В. Путиным, демонстрирует эмоциональное восприятие обсуждаемой темы, а градация здесь также служит целям убеждения аудитории.

Идеологию текста создают ключевые слова: *глобальный баланс, безопасность, война, решение, оружие*. В таблице ниже приведены данные подсчёта употребления указанных слов и словоформ.

Слово \ Год	2014	2015	2016
Война	5	12	3
Мир	185	115	29
Конфликт	19	19	2
Решение	44	4	2
Баланс	12	6	1
Безопасность	19	2	7
Оружие	23	10	4

Как видно из таблицы, употребление словоформ с положительной коннотацией сократилось (решение, мир, безопасность, баланс), а с отрицательной – увеличилось (в 2015 г.) или осталось прежним (конфликт, война). С помощью такой вербализации В. Путин создает последовательную цепочку образов предмета мысли и достигает единства её восприятия аудиторией в соответствии со своими намерениями и тематикой дискуссии. Однако, в исследуемых речах главным ключевым было слово *мир*, хотя количество его употребления уменьшилось в 2016 г. Включение в речь образов прошлого (например, в 2016 г.: «холодная война», «решение о нанесении ракетно-бомбовых ударов в центре Европы, по Белграду; по Ираку, затем по Ливии ... в Афганистане операция началась без соответствующего разрешения Совета Безопасности Организации Объединённых Наций»), настоящего («истерия ... по поводу влияния России на ход нынешних выборов американского Президента», «референдумы, преподносящие сюрпризы», «теракты последних лет»), и будущего («любые угрозы можно преодолеть сообща, на прочной основе международного права и Устава ООН», «суверенитет – это центральное понятие всей системы международных отношений», «благополучное будущее нашей планеты») [8], помогает В. Путину активировать культурно-историческую память и необходимые ассоциации аудитории. Оглашая приоритеты, ритор применил тактики единения и учёта ценностных ориентиров адресата: «Приоритеты, без которых благополучное будущее нашей общей планеты немыслимо, абсолютно очевидны. Не скажу ничего нового. Прежде всего, это равная и неделимая безопасность для всех государств. Только прекратив вооружённые конфликты и обеспечив мирное развитие всех стран, мы сможем говорить об экономическом прогрессе, решении социальных, гуманитарных и других ключевых проблем. Важно на деле бороться с терроризмом и экстремизмом. Уже не раз говорилось о том, что победить это зло можно, только

объединив усилия всех государств мира. Россия предлагала и предлагает до сих пор это всем заинтересованным нашим партнёрам» [8].

По А.К. Михальской, «метафора определяет эстетику и поэтику политики» [3, с. 126]. Исследуемые речи, наряду с известными метафорами (уроки истории, отцы-основатели, большой брат, вернуться на круги своя, сеять смерть, центр зла, цветная революция, закулисные решения, правовой нигилизм, мины замедленного действия, почва для конфликтов, гремучая смесь) насыщены также индивидуально-авторскими метафорами, которые «обладают силой риторического воздействия и часто выступают как аргумент» [5, с. 114]: *дух Валдая, страховочная сетка, перекрыть весь мир, финансовая подпитка, плоды глобализации, мягкая сила, баланс взаимоуничтожения, зона безвластия, расходиться по углам, находимся в одной лодке, новое издание взаимозависимости, явочные шаги, закат системы нераспространения оружия, неумеренные террористы.*

Заключая, мы вправе сказать, что наряду с диалектической аргументацией В. Путин использует и эристические тактики – привлечения внимания, признания проблемы, тактику приглашения к совместной деятельности, тактику уточнения, критики, разъяснения. Индивидуальный стиль ратора, а также замысел его речей объясняют выбор тех или иных тактик и стратегий. «Высказывания Путина отличает новизна мысли и фактов, обилие неожиданных поворотов мысли. Стратегии состязательности, так свойственной заказной политической риторике, Путин противопоставляет стратегию сотрудничества. Его высказывания – это не только диалог с видимой аудиторией, но и диалог с Европой: Путина смотрит и слушает весь «современный мир» [5, с. 13]. Поскольку В. Путин отдаёт предпочтение диалектической риторической аргументации, его публичные выступления значительно отличаются от речей других известных политиков. Назовём особенности, из которых складывается риторический портрет ратора: 1) система тактик (включает в себя тактики единения, разъяснения, подчеркивания общности интересов и ценностных ориентаций, привлечения внимания и реализуется в речи посредством каскадных риторических вопросов, лексических повторов, частых градаций. Эти тактики «свидетельствуют о смысловой важности рассуждения и интонационно-логический акцентах речи» [5, с. 115]); 2) динамичность речи (использование антитезы и развернутых метафор); 3) диалогизм (риторические вопросы и риторические обращения); 4) образность (привлечение сравнений, метафор, параллелизмов).

Перспектива составления риторических портретов и изучения идиостиля российских политических деятелей видится в создании сопоставительных исследований выступлений российских и зарубежных политиков. Целесообразно также создание электронной библиотеки речей российских политиков. Это позволит в будущем обоснованно оценить риторическую компетентность современных политиков и создать курс политической риторики на основе лучших образцов политической речи.

Список литературы

1. Аннушкин В. И. Риторика и дипломатия / В. И. Аннушкин, К. В. Муратова. – М. : Дипломатическая академия МИД РФ, 1998. – 45 с.
2. Волков А. А. Теория риторической аргументации / А. А. Волков. – М. : Добросвет, КДУ, 2013. – 280 с.
3. Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике : учеб. пос. для студ. гум. ф-тов. – М. : Academia, 1996. – 192 с.
4. Рождественский Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1999. – 492 с.

5. Чистякова И. Ю. Русская политическая ораторика. Этос ратора : монография / И. Ю. Чистякова. – Germany : LapLambertAcademicPublishing, 2012. – 141 с.

6. Чистякова И. Ю. Стратегия состязательности в современном политическом дискурсе / И. Ю. Чистякова // Проблемы риторики, поэтики и стилистики в современном информационном обществе : межвуз. сб. науч. тр. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2016. – С. 8–13.

7. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

8. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

9. Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_41.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

10. Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/about/valdai>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Annushkin V. I. Ritorika i diplomatija / V. I. Annushkin, K. V. Muratova. – M. : Diplomaticeskaja akademija MID RF, 1998. – 45 s.

2. Volkov A. A. Teorija ritoricheskoj argumentacii / A. A. Volkov. – M. : Dobrosvet, KDU, 2013. – 280 s.

3. Mihal'skaja A. K. Russkij Sokrat: Lekcii po sravnitel'no-istoricheskoj ritorike : ucheb. pos. dlja stud. gum. f-tov. – M. : Academia, 1996. – 192 s.

4. Rozhdestvenskij Ju. V. Teorija ritoriki / Ju. V. Rozhdestvenskij. – M. : Dobrosvet, 1999. – 492 s.

5. Chistjakova I. Ju. Russkaja politicheskaja oratorika. Jetos ratora : monografiya / I. Ju. Chistjakova. – Germany : LapLambertAcademicPublishing, 2012. – 141 s.

6. Chistjakova I. Ju. Strategija sostjazatel'nosti v sovremenno politicheskom diskurse / I. Ju. Chistjakova // Problemy ritoriki, pojetiki i stilistiki v sovremennom informacionnom obshhestve : mezhvuz. sb. nauch. tr. – Astrahan' : Izd. dom «Astrahanskij universitet», 2016. – S. 8–13.

7. Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860>, svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.

8. Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548>, svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.

9. Rezhim dostupa: http://genhis.philol.msu.ru/article_41.html, svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.

10. Rezhim dostupa: <http://ru.valdaiclub.com/about/valdai>, svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.